БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ: БЕГЛЕЦ

ЕКАТЕРИНА

СТАДНИКОВА

Большое путешествие

Екатерина Стадникова

Беглец

«ФТМ»

2015

Стадникова Е. Н.

Беглец / Е. Н. Стадникова — «ФТМ», 2015 — (Большое путешествие)

ISBN 978-5-4467-2342-3

Природа на скалистых берегах неприветлива, а зимы суровы. Как и люди, за века превратившие обветренный кусок камня в дом. Здесь хватало своих бед. Своих тайн. Но однажды с материка в клетке прибыл пленник – безжалостный убийца, монстр, неспособный утолить жажду крови. Никакие оковы не удержат его. И потянется по острову кровавый след. Избавить остров от чудовища предстоит местному герою и всеобщему любимцу – Навену Кателлингу. Легко быть крупной рыбой в мелком пруду. Ведь так?

ISBN 978-5-4467-2342-3

© Стадникова Е. Н., 2015
© ФТМ, 2015

Содержание

Пролог 5
Вооружен и опасен 6
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Екатерина Стадникова
Беглец

Пролог

Прятаться и убегать. Убегать и прятаться. Все, чему она научилась. Снова это мерзкое чувство. Удушливый едкий дым лезет в горло, печет ноздри. Нет ничего гаже горелого человечьего мяса. Потрескавшиеся от жара кости. Узнать прежнее лицо можно только по зубам, которые так часто мелькали в ласковой улыбке.

Беснующаяся толпа, глумящаяся над останками тех, кто был дорог. Рвущая друг у друга тряпки с золотым шитьем. Алые, страшные, как смерть, факелы. Крики, лязг, рев пламени. Мама, мамочка, за что?

Под мостом сыро и темно. Склизкие камни, черная вода, блестящая, как оникс. Самые страшные на свете слова: «Вон они! Держи их!». Плеск. Удары палками, свист стрел. Острая боль. Снова плеск. Руки, сильные руки мужчины в мягких красных перчатках. Неужели нас спасут? Высокая женская фигура в зеленой робе. С кончиков ее пальцев в толпу летят снопы молний. Хорошо бы уметь так. Толпа воет и визжит. Кто-то падает, кто-то пытается укрыться.

«Бегите!», – приказывает женщина. Но руки в перчатках не пускают. Жесткие, как сталь, они душат. Сквозь толпу проносятся рыцари. Алые плащи (алые факелы!), обезумевшие кони в мыле скользят по мостовой. Скрежещут подковы. Рука в красной перчатке сжимает кинжал. Женщина кричит. Почему она так кричит?!..

Львиная храбрость – все, что остается, когда ты маленький и слабый. Больно сжать челюсть. Ткань рубашки на твердой, как железо, руке пропиталась соленой невкусной кровью. Удар. Такой сильный, что из глаз брызнули слезы. Еще и еще. Рукояткой кинжала в висок, в лицо. Лезвие скользнуло по лбу. Вместо слез на лице кровь. Горячая и липкая. Своя, не чужая. Земля дрогнула. Короткий полет. Плеск. Течение. Удушье и вонючий, поросший тиной желоб.

Сон. Просто сон. Дыхание сбилось. Сердце бешено колотилось в груди. Не было страшного человека. И его красных перчаток. Не было убитых. Просто земля затряслась, так, словно кто-то невыразимо большой ворочается под снежным одеялом.

Она пробежала взглядом по потрепанным корешкам книг. Кто бы ни жил здесь, в сухой норе под холмом, он друг.

Вооружен и опасен

«Мы не готовы отвечать за ошибки, совершенные нерадивыми учениками бездарных учителей».
Из переписки великого магистра Алого Братства с неизвестным

Озябший стражник закашлялся и сплюнул себе под ноги, придвигаясь ближе к высокой жаровне. Огонь шумел. Его тепло и свет особенно явственно ощущались в тягучих сумерках.

Еще немного – и пробьет старый колокол, густой вибрирующий звук которого заставляет кости гудеть. Смена кончится. Ночной караул опустит решетку, поднимет мост и запрет ворота. Форт и городок, приютившийся за его стеной, уснут до утра.

Мысленно стражник уже ласкал пальцами крутые бока пивной кружки, когда с ним поравнялась легкая фигура.

– А ну, стоять! – скорее от неожиданности, чем из необходимости гаркнул он.

– Не шуми, Корд. Это всего лишь я, – отозвался из темноты знакомый голос.

– Навен? Повесь на шею колокольчик и не смей подкрадываться к честным людям. – Корд поудобнее перехватил древко алебарды. – Ну-ка, выйди ближе.

– Может, еще карманы вывернуть? – усмехнулся тот.

– Может, и их, – пробурчал себе под нос стражник.

Зыбкий свет вытесал складного парня, недавно распрощавшегося с порой юношества. Навена в форте знала каждая собака. Корд исключением не был.

– Куда тебя несет на ночь глядя? – спросил он в надежде, что мальчишка скрасит свежими сплетнями ожидание пересменки.

– Домой, – отозвался Навен, поправляя ремни с закрепленными на них кожаными кармашками, надетые поверх теплого дублета.

– Это в лес-то? – Корд заглянул парню через плечо и не увидел ничего похожего на оружие. – С голыми руками?

– Лес не враг. А оружие для врагов. – Он пристально посмотрел на стражника.

Корд невольно поежился. Мало кто мог вынести этот взгляд. В отблесках пламени глаза Навена и вовсе казались зловещими. Нет, ничего сверхъестественного в них не было. Это были вполне заурядные человеческие глаза, если не считать цвета. «Цвет луковой шелухи», – говорили кухарки. «Солнечный топаз», – вздыхали те, кто хоть раз имели счастье любоваться перстнями на своих пальчиках.

– Это ты волкам расскажешь, когда они тебя рвать станут, – хмыкнул Корд, отворачиваясь к огню. – Или бандитам. В мешочке на поясе золото, небось?

– Травы, – тряхнул головой Навен. – Сегодня я не торговал. Принес, что был должен. И вот пытаюсь вернуться. Скажи, Корд, скучно тебе? Только честно.

– Умник, – огрызнулся стражник.

– Вызвался бы в конвоиры. Прогулялся бы. Только сегодня с тюремной барки новичков выгрузили и погнали в рудник. Не заметить ты их не мог, раз меня не проглядел, – прищурился он.

Тут стражник зашипел, как старый кот. Только искрами из глаз не осыпал.

– Знал бы… – Корд понизил голос до сиплого шепота. – Прогнали тут колонну каторжан. Верно. Политические все. На материке уже лет семь как не уляжется. Да. А как стало смеркаться, проехал рыцарь. За ним повозка с клеткой. Куда, братушка, спросил возницу. Тот меня только хлыстом вжик по морде! Я к рыцарю. Мессер, говорю, что делается. Этот тоже смотрит на меня как на навоз и тихо так: проваливай, мол, с дороги, если жить не надоело.

Земля чуть заметно дрогнула. Корд ругнулся себе под нос, поправил шапку и зевнул.

– Из наших рыцарь? – Навен махнул в сторону крепости.

– Точно нет. Наших-то я, хвала Аданай, знаю в харю и по имени. Чужак. На доспехе красный бык нарисован, да на щите что-то краснелось, и плащ тоже красный. – Стражник уже слышал болтовню своих сменщиков. – На барке с материка пришел. Кто надоумил в лес соваться в ночь, да еще без охраны, явно не добра ему желал. Вот я тебе и говорю: поворачивай назад в город. Старая ведьма раньше совсем одна жила. До рассвета ничего не станется с ней.

– Бывай, Корд, – он отступил в темноту.

«С ней-то, положим, и ничего. А вот с заезжим рыцарем на нашем острове может случиться разное», – подумал Навен, прибавляя шаг.

И рассуждал он так вовсе не из человеколюбия. Навен ценил лес за тайны, что тот умел хранить. Привычная жизнь непременно пойдет прахом, как только здесь умрет кто-то, чья смерть будет небезразлична воякам с материка. Он уже видел такое. Стервятниками на падаль налетят еще рыцари с оружием и жаждой мщения. Примутся топтать лес тяжелыми сапогами.

Все это Навен легко мог просчитать. Но чтобы предотвратить, требовалась большая удача. Причем повезти должно было не только ему, но и глупому рыцарю. Что крайне усложняло дело.

Наличие повозки с клеткой не оставляло сомнений относительно конечного пункта: колония Миненгер. Смертный приговор для одних – богатство и могущество для других. Скалистый остров, собственно, ничем больше известен не был. Каторжане глубоко в шахтах добывали нен, а горожане и форт Хоринг обеспечивали безопасность трафика бесценного металла на материк. Порой на свет выходили еще действующие лица, но кроме богатств земли никого ничего по-настоящему не интересовало.

Навен рассчитывал нагнать рыцаря до развилки. Выбор маршрута наверняка многообразием тоже не блистал. Все, опять же, из-за повозки с клеткой. Он бесшумно скользил в густой синеватой мгле, размышляя, какую дорогу выбрал бы сам на месте рыцаря.

Негостеприимная стена леса вздымалась по одну сторону, быстрый поток извивался в ледяных оковах по другую. Тощий серп луны едва серебрил снег и черную воду. Крепость осталась далеко позади. Отсюда даже Орсо не учуял бы вони ее стоков. Колея дороги к фермам огибала опушку. Местные боялись леса: охотники отваживались пробираться в чащу лишь большими отрядами – и то немногие заходили дальше кривой таверны на просеке.

Колея ныряла за холмик по пологому склону. Но каторжная дорога уходила в лес. Никто из обитателей форта не свернул бы здесь под страхом смерти. Они проехали бы дальше и срезали на просеке. Рыцаря же наверняка вела карта. Тяжелая повозка оставила заметные борозды.

Пошел снег. Крупные хлопья ложились на плечи. Таяли на пепельно-черных волосах. Водой стекали за ворот. Когда в сердце уже закралась надежда на сказочное везение, по спине пробежал холодок.

Навен замер. На обочине лежала дохлая собака. Шерсть сходила клочьями, глазницы ввалились, а белые кости ребер вылезли наружу. Зрелище крайне неаппетитное, даже без учета запаха. Только что ей тут делать? Звери сожрали бы труп раньше, чем он превратится в… это. Мороз стоял две недели. Тушка же смердит чересчур явно. Кроме того, сквозь вонь пробивается тонкий металлический запах. Запах свежей крови.

Желая покончить со всем быстрее, Навен расстегнул один из кармашков на поясе и достал отполированный до блеска самородок нен. Гладкий кусок руды был скорее овальным, чем квадратным, и скорее плоским, чем нет. Навен не преуспел в обработке, зато руна на обеих сторонах самородка была выполнена безупречно.

Легонько подброшенный на ладони темно-синий камень повис в воздухе. Прорезанные борозды знака сочились белесым сиянием. Широким жестом Навен обвел подозрительную

сцену. Осматривать останки несчастной собаки смысла не было: не ее он искал. Капельки крови, пристывшие к тонкой ветке куста, занялись белым пламенем.

Стоило приблизиться, как в овраге так же запылал валежник. Навен убрал руну назад и ловко съехал на дно по крутому склону старой вымоины. Белое пламя улеглось. Истончилось и пропало легким дымком.

За склизкими бревнами лицом вниз лежал человек. От страшных ран его не спас ни тулуп, ни кольчуга под ним, ни стеганка под кольчугой. Что-то выпотрошило беднягу как кролика. Навен решил бы, что это зверь. Только зверь улик скрывать не станет. Незачем. А тут ни крови, ни следов.

Конский труп нашелся на дне широкого пролома чуть поодаль. Там же обнаружилась и развороченная, точно взрывом, клетка.

«Не хватало этому лесу кого-то способного *так* убивать», – саркастически отметил Навен про себя. Оставалось выяснить одну крошечную деталь относительно рыцаря: сообщник он или жертва.

Навен закрутил головой в поисках гаснущего сияния. Но и без этого заметил светлую рану на стволе дерева. Глубокую борозду, оставленную мечом. Вскарабкавшись на противоположный склон, Навен заглянул за густые можжевеловые кусты и бессильно выругался. Тут было все: и кровь, и следы, и рваный плащ. Рыцарь… нелепый рыцарь гнался за своим убийцей. Вот он запутался в плаще. Вот упал. Вот получил удар. Брызги. Головокружительный запах. Но где вторая лошадь? Пес с ней. Где тело рыцаря?

Земля под ногами сделалась каменистой. Навен побежал. Снег едва припорошил след. Борозда резко оборвалась вниз крутыми великаньими ступеньками. Раненый надеялся найти укрытие у подножия или просто свалился?

Навен приземлился на обе ноги, спружинил и выпрямился. Отсюда он отчетливо услышал прерывистое тяжелое дыхание. А обернувшись на звук, увидел рыцаря, которого искал. Несчастный силился нащупать меч, хоть пальцы явно не слушались его. Густая кровь стекала по броне в снег.

Только Навен уже знал, что они не одни. В темноте за кустами скользила зыбкая фигура. Тот третий старался держаться по ветру, но спрятаться не мог. Не от Навена. Беглец рычал и поскуливал, подражая голосам волчьей стаи, но сам совершенно точно был человеком. Он изучал Навена, не встречаясь с ним взглядом. Искал уязвимое место.

Не выпуская из виду фигуру в темноте, Навен отступил к нависшей скале и рыцарю. К великому удивлению, истекающий кровью конвоир предпринял отчаянную попытку подняться. Он стиснул меч, оперся на щит и оттолкнулся, сумев встать на одно колено.

– Сэр Леннарт Ардре из Корлада, – отрывисто произнес раненый.

– Что? – Навен отвлекся на мгновение и потерял противника из виду.

– Это чудовище. Когда оно бросится, беги, – прошептал рыцарь. – Я, сэр Леннарт из Кор…

Он закашлялся, потерял равновесие и завалился на бок. Латы скрежетнули по камням. Времени не осталось.

– Я спасу нас обоих, если ты дашь слово чести, что зажмуришься и не станешь смотреть, что бы ни услышал, – тихо сказал Навен.

– Слово чести. А если я больше не открою глаз, назовись. Хочу знать имя… своего брата по оружию, – он едва дышал.

– Навен из Хоринга.

Бой начался внезапно. Тяжелая зловонная туша вырвалась из черноты деревьев на белый, политый кровью снег. Навен пригнулся. Что-то острое прошлось по спине. Любимый черный дублет жалобно затрещал.

Беглеца занесло. Он ударился боком о дерево и круто развернулся. Бледные глаза жадно уставились на лежащего неподвижно Леннарта.

Навен видел редкие желтые зубы, рот с запекшимися в уголках болячками, клочковатые усы и бороду. Беглец не боялся. Он вытянул шею и зашипел, брызжа слюной. В темноте за деревьями тварь сошла бы за человека, но вблизи становилось совершенно ясно, что существо тронуто магией. И это не какой-то пустячок, а полновесное проклятье, исказившее до неузнаваемости облик бедняги.

– О Илнар, отец наш, вижу я свет твой. Станет он пастырем моим в кромешной тьме, – зашептал рыцарь нетвердым голосом. – О Мадара, мать матерей, слышу я голос твой. Станет он утешением моим в час скорбный. О Аданай…

Хриплое бормотание утонуло в зверином реве. Леннарт зажмурился так крепко, как смог. Смерть его не пугала. Печалила участь храброго Навена из Хоринга. А когда на поляну обрушилась непроницаемая тишина, сэр Леннарт желал лишь одного: чтобы смерть пришла раньше, чем его вынут из доспехов и разорвут. Сил на то, чтобы поднять меч в последний раз, не осталось. Непослушное тело холодело пядь за пядью.

Кто-то неумело стянул с него шлем. Лязгнуло забрало. Сэр Леннарт, бешено тараща глаза, уставился на склонившуюся над ним темную фигуру невидящим взглядом. Но вместо смертельного удара мерзлые пальцы затолкали ему в рот щепотку горьких трав.

– Это ты? Навен из Хоринга? – отплевываясь, простонал рыцарь.

– Угу, – отозвался тот, упорно заставляя раненого жевать травы. – Тут рядом есть пещера. Помоги мне…

Навен просунул две внушительные палки рыцарю под руки так, чтобы получилась волокуша. Впрягся в нее и пошел. Сперва через силу – чужой меч мешал на поясе – потом все увереннее и быстрее. Он представлял жаркое пламя костра, который непременно разведет.

– Ты убил его? – вдруг подал голос Леннарт.

– Нет, – отозвался Навен. – Кто это был?

– Монстр. – Тон рыцаря сделался жестче. – Кто рычал?

– Монстр.

Время неумолимо клонилось к полуночи. Под невысоким сводом пещеры плясали рыжие блики. Раненый был устроен со всем возможным комфортом на свежих можжевеловых ветках. Он с интересом наблюдал, как снег превращается в кипяток, а кипяток в отвар. Шлем послужил бы более достойной заменой котелку, не останься лежать на месте стычки. Наплечник тоже справлялся, но герба на нем было уже не разобрать под слоем копоти.

Сэр Леннарт внимательно смотрел на своего спасителя, радуясь тому, что все еще может смотреть. Пепельно-черные волосы, густые и прямые – почти до лопаток – более всего напоминали мех чернобурки. Гладкая бледная кожа, благородные черты. Образу мешали неприятные глаза, желтоватые, как его горький отвар. Вопреки тому, что говорят о юности, Навен производил впечатление умелого целителя.

– Благодарю, мэтр, – стараясь показать воспитанность, произнес рыцарь.

Гадостный отвар пек губы, щипал язык, драл горло и бесновался в кишках. Но к телу возвращалось тепло. Разбухшую в кипятке траву лекарь приложил к ранам. Сэр Леннарт выругался в голос, когда первая порция клейкой зеленой массы коснулась кожи.

– Только я не «мэтр», – счел нужным пояснить Навен.

– То есть как? – почти правдоподобно опешил рыцарь.

По возрасту, манерам и одежде спаситель вполне соответствовал представлениям о подмастерьях, молодых учениках лекарей, недавних студентах. А может, даже о благородных духом юношах, готовящихся посвятить себя служению Илнару. Называя мальчика «мэтром», сэр Леннарт, конечно, лукавил.

– При тебе нет оружия, значит, чародей, – рыцарь старался смягчить обличающий тон. – Был бы послушником, брит был бы наголо. Значит, нет. Явно не женат, но выглядишь ухоженным. Живешь с матерью? Для собственной практики слишком юн, значит, ходишь в учениках. Кого? Аптекаря?

Сэр Леннарт перевел дыхание и выжидающе склонил голову. Он надеялся уловить в собеседнике след волнения. Тень эмоций. Но лицо молодого человека оставалось безразличным, а глаза почти мертвыми. Навен тоже внимательно следил за реакцией собеседника. Он знал, что силы покинут корладца совсем скоро. И что впереди их ждет тяжелая ночь.

– Годы отрочества я провел в борделе «Бархотка и подвязка». Мадам, крайне утонченная женщина, дала мне неплохое светское воспитание, – после длиной паузы медленно проговорил он. – Отсюда манеры, которые многих вводят в заблуждение. Когда мое присутствие стало вредным для меня же, мадам отослала вашего покорного слугу как раз в послушники. Да-да. Бритая голова и палка в руках от яллена до иоля. Причем я говорю отнюдь не о посохе. Метла, лопата и мотыга – в зависимости от поведения и времени года.

– Отлично сказано, – кивнул рыцарь, маскируя смущение. – Тяжелая работа. Никакой магии. Словно нас учили быть крестьянами. Все монастыри одинаковы.

– И бесконечные моления Илнару, – подхватил юноша. – Настоятель Просперо просыпался утром с мыслями, где бы взять еще час на восхваление нашего пресветлого. Решение просто, как блин. Мы молились вместо ужина.

– И как тебе? – с надеждой спросил Леннарт.

– В борделе вранья меньше. – Навен подбросил щепотку своих трав в огонь.

– Готов спорить, но не стану. Все же ты спас меня. – Во взгляде рыцаря промелькнуло такое знакомое презрение, замешанное на чувстве превосходства. – Я был послушником пятнадцать лет. До обучения чарам так и не дошло. Но труд и воздержание настолько закалили мои тело и дух, что сам Великий магистр заметил меня и призвал.

– Я всему учился сам, – пожал плечами парень. – Ошибки были. Если, к примеру, дотла сжечь башню – тебя выгоняют из монастыря. Когда горит добро, не до благоговения перед огнем божиим. Храбрые послушники и наставники гнали меня как дичь через лес, пока их не остановила тетушка Мирта. Живущая отшельницей в чаще жрица Мадары.

– Повитуха и ведьма? – Леннарт скривился.

– Целительница и травница, – не поведя и бровью, поправил Навен. – Обитатели местного монастыря отнеслись к ней с должным почтением. И убрались восвояси. Все сложилось удачно. Я поселился в лесу, где мне ничто не мешает практиковаться в чем пожелаю. Не случись так, сейчас многоуважаемый рыцарь был бы уже обглодан до костей.

Неловкая пауза распласталась между собеседниками. Разумеется, сэр Леннарт из Корлада предпочел бы принять спасение от кого-то столь же благочестивого, как он сам. Но Илнар часто посылает своим последователям причудливые испытания и уроки. Возможно, рыцарский долг требует вырвать этого юношу из когтей порока и обратить назад к свету очищающего огня?

Что понял для себя Навен, так то, что в час смертельной опасности люди взывают ко всем богам, каких способны вспомнить по имени.

Желая перевести тему, рыцарь насупился и выдавил из себя натужный вопрос о состоянии целительской практики и ее доходности. На что Навен точно знал, как ответить, чтобы прекратить разговор.

– Мадам и ее подопечные ценят меня за умение быстро решать любые щекотливые проблемы, – деловым тоном ответил юноша. – Знать и купечество ценят фактически за то же. Однако с них я предпочитаю брать плату в твердой валюте.

Раненый приуныл и смолк. Вскоре он начал клевать носом, а потом вовсе уснул. Навен же не спал. Он старался во всех подробностях припомнить своего противника. Рыцарь упорно

называл арестанта «монстр». Но у того было две ноги, две руки, вполне заурядная голова. Что-то сделало несчастного таким. Когтей Навен не заметил, но тогда чем преступник прикончил возницу, ранил Леннарта и попортил дублет? Чем он освободился? Чары?

На острове, который, по сути, был громадным куском заряженной руды, руны можно было чертить хоть пальцем на земле. Оттого и водилось тут всякое. Еще до форта и шахт, сюда бежали некроманты с материка. Навен сам сталкивался с сухими, как палки, мертвецами в выцветших черных лохмотьях. Немалых усилий стоило загнать их назад на тот свет. Орсо всегда восхищался подобными поступками. Называл их приключениями. Или того смешнее – подвигами. Но если ходячие трупы станут жрать фермеров, кто будет пасти скот, выращивать зерно и варить из него пиво?

В животе заурчало. Навен зевнул. Был бы Орсо, можно было бы спать по очереди. Но их пути разошлись – из-за нелепого спора о сути и назначении человека. Навен уже не помнил своих доводов, но помнил, что перестарался.

Весь следующий день рыцарь проспал. Травы боролись с лихорадкой, а лекарь не покидал пациента ни на минуту. Глубокие порезы не спешили заживать, словно какой-то яд мешал лечению. В бреду рыцарь из Корлада все убеждал кого-то, что не трус. Очнулся Леннарт, когда на небе вновь засияли звезды. Для бедняги целый день промелькнул как мгновение.

Под утро у входа в пещеру раздался топот. Захрапела лошадь. Раненый распахнул глаза и застонал. Навен бесшумно приложил палец к губам, подал рыцарю меч и жестом приказал затаиться. Не очень-то верилось в пользу стали, особенно в слабых руках, но поступить иначе лекарю не позволила совесть. Сам же он кошкой скользнул туда, где широкий грот переходил в брошенную штольню.

Месяц давно скрылся за деревьями. Снегопад обернулся настоящей метелью. В кромешной тьме разум диктует цвета и формы: он знает, что снег белый, а лошадиная грива густая. Испуганная кобыла плясала, готовая подняться на дыбы. Дыхание паром валило из ноздрей, а смерзшиеся ресницы дрожали.

Навен заметил на крупе лошади неглубокую рану. Кобыла явно не была настроена дружелюбно. Юноша выпрямился и посмотрел прямо в выпуклые, до краев полные ужаса глаза лошади.

«Сталь и огонь сильны», – учила Мирта. – «Но сильнее огня и стали может быть только слово». Его незачем кричать, размахивая руками. Необязательно рисовать на камне или плести из жестов. Достаточно знать, как произнести его правильно.

Ни звука не слетело с едва шевельнувшихся губ. Кобыла всхрапнула, застригла ушами, но заметно посмирнела. Она позволила взять себя под уздцы и увлечь под уклон в темную штольню.

От удивления сэр рыцарь даже рот открыл. Он совершенно не ожидал найти свою лошадь, особенно не прилагая усилий. Кобыла тоже признала хозяина и наверняка удивилась бы, если бы умела.

– Она цела? – едва скрывая волнение, спросил Леннарт.

– Царапина, – парень позволил себе улыбку, похлопывая лошадь по шее.

Навен отчетливо ощутил запах пряной копченой колбасы. Без церемоний он отстегнул от седла сумку и принес к огню. Вместе с колбасой в белую тряпицу оказались завернуты ломоть сыра и горбушка серого хлеба. Леннарт подтянул сумку к себе за ремешок, перевернул и потряс. На камни пещеры звонко шлепнулась фляжка, в которой весело плескалась жидкость.

Отвинтив тугую крышку, Навен с интересом понюхал содержимое. Он ничуть ни усомнился, почуяв субстанцию, знакомую не только аптекарям и алхимикам.

– Праведники так лихо разбавляют спирт? – продолжая улыбаться, спросил он.

На что рыцарь неожиданно смутился и тут же пустился в пространные рассуждения о грехе лжи, гнуснейшим примером которого является подмена благородных напитков водой

в разных пропорциях. В конце же заверил, что если доберется живым до того проходимца на материке, продавшего ему эту дрянь, – проучит гада как следует.

Разделив припасы поровну, поели молча. Навен не верил в сообразительность кобылы. Не слышал, чтобы кони как собаки шли по следу. Но высказывать свои опасения не спешил. Равно как и не торопился развеять или укрепить их, осмотрев окрестности.

Утренний лес встретил Навена непролазными сугробами. Снег, наверное, перестал едва-едва. Лекарь зачерпнул закопченным наплечником девственно-чистую белизну и вернулся в грот. Новая порция зелья, по ощущениям, была гаже предыдущих, но Леннарт вытерпел все без сетований.

Дольше торчать в лесу – подвергать себя ненужной опасности. Навен погрузил пациента на кобылу, затоптал угли, и все поднялись на поверхность. Как ни просил рыцарь, они не вышли к тому месту, где случилась стычка. Навен не собирался выкапывать шлем и щит. Обошли они и проклятую каторжную дорогу, где звери наверняка уже разорвали на клочки труп возницы.

К полудню показалась просека. Навен чувствовал хищные взгляды, прикованные к раненому, но ни одна тварь не осмеливалась броситься. Словно что-то незримое оберегало их в пути. Чья-то покровительственная добрая воля.

Аромат стряпни появился задолго до того, как остроконечная крыша таверны показалась из-за холма. С заднего двора раздался леденящий душу визг, за ним глухой удар и отборная портовая брань.

От угла прямо к лесу мчала здоровенная свинья, оставляя за собой карминовый след и непрерывно вопя. Секунды хватило сообразить, что обезумевшая от ужаса и боли скотина не свернет. Леннарт отстегнул и сунул Навену в руки меч, который тот тут же бросил в снег.

Лошадь встала на дыбы, оскользнулась, что-то хрустнуло, и она начала заваливаться. Не будь рыцарь из Корлада ранен, он смог бы выровнять свою кобылу, сместившись в седле. Но вместо этого Леннарт со стоном опрокинулся назад. Навен принял его на руки как дитя и съехал в неглубокую канаву.

Окровавленная свинья просвистела мимо и скрылась из виду, когда на дорогу выскочил разъяренный хозяин таверны со стремительно наливающейся шишкой на лбу.

– Навен? – удивился тот, заметив парня, помогающего незнакомому рыцарю подняться на ноги. – Если ты за мясом, то вон оно улепетывает. Волков кормить. Лови. Сколько я вбухал в эту тварь? Денег, времени, мать ее… заботы!

– Говоря о заботе, – перебил Навен. – Мой приятель ранен и с трудом держится в седле. Не мог бы ты одолжить нам свою телегу?

– Не мог бы, – ехидно отозвался тот. – Я не комит какой-нибудь. Я ленник! Тут все мое. И земля, и дом, и телега, и та паршивая свинья. А знаешь, как я все это нажил? Никому ничего не давал задаром.

– Свинья была, кстати, вполне себе, – Навен нарочито мечтательно смежил веки. – Студень, окорока, корейка, грудинка, ребрышки… Мягкой кожи на сапожки жене. Или кому угодно.

– Сука ты, – буркнул хозяин таверны, и, ссутулившись чуть не до земли, поплелся к дому.

Леннарт тяжело дышал. Сделав несколько самостоятельных шагов, он вдруг рухнул на колени как подкошенный. Издав звук, похожий на жалобный всхлип, рыцарь уставился прямо перед собой. Когда Навен уже начал опасаться за раны Леннарта, заметил, куда именно рыцарь смотрит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.